

ХРАНИТЕЛИ ИСКРЫ

Дмитрий
Правдин

Дмитрий Pravdin
Хранители искры

«Автор»

2026

Pravdin Д.

Хранители искры / Д. Pravdin — «Автор», 2026

Когда Великий Дыхатель — священный Огонь племени Очаг-Камень — гаснет, поглощённый разлившейся рекой, клан оказывается на грани гибели. Тьма, холод и людоеды Клана Красной Пасти не оставляют шансов. Молодой воин Торн отправляется в невозможный поход, чтобы вернуть утраченное пламя. Вместе с ним идут его импульсивный брат Кай, молчаливый силач Бром и раненый пещерный лев Аштар, ставший неожиданным союзником. Их путь лежит через гиблые болота, подземные пещеры и земли великанов. Но главное открытие ждёт впереди: Торн понимает, что огонь можно не только хранить, но и создавать. Эта история о мужестве, братстве и рождении нового мира, где человек перестаёт бояться ночи.

© Pravdin Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
Глава 1: Ночь мертвых углей	6
Глава 2: Тропа Клыков	11
Глава 3: В когтях Серого Властелина	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Хранители искры

1

Глава 1: Ночь мертвых углей

Холод не приходил внезапно. Он не обрушивался на лагерь Клана Очаг-Камень, как лавина или внезапный удар дубины. Он подкрадывался, подобно старому, терпеливому хищнику, который знает, что его жертва уже загнана в угол и ей некуда бежать. Сначала исчезло тепло от камней у входа в главную пещеру, затем остыл воздух — тяжелый, сырой, пропитанный запахом гниющей листвы, мокрого меха и страха. И только потом, когда тьма стала абсолютной, плотной, почти осязаемой материей, давящей на глазные яблоки, люди поняли самую страшную истину их существования: Великий Дыхатель умер.

Торн стоял на краю высокого обрыва, нависающего над бурной рекой, и смотрел вниз, туда, где еще час назад билось горячее сердце их мира. Река, вздувшаяся от бесконечных осенних дождей, вышла из берегов. Мутные, грязные воды, несущие с собой обломки вековых деревьев, валуны и трупы мелких животных, хлестали по скалистым уступам, смывая всё на своем пути. Но страшнее ревущей воды была тишина. Та звенящая, давящая тишина, которая наступает после того, как затихает последний треск горящих поленьев, после того, как угасает последняя искра надежды.

Огонь погас.

Не просто ослаб, не превратился в тлеющие угли, которые можно было бы осторожно раздуть дыханием, подпитать сухой травой или мхом. Он исчез полностью. Вода, поднявшаяся непредсказуемо высоко, залила священную нишу, выдолбленную предками в базальте тысячелетия назад, и унесла с собой последние искры жизни. Торн сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, пробивая огрубевшую кожу. Боль была резкой, горячей, единственной живой вещью в этом промерзшем мире. Она напоминала ему, что он еще здесь, что кровь еще течет по венам, пульсируя в висках, но разум его отказывался принимать реальность. Разум требовал действия, решения, плана, но перед лицом этой катастрофы любой план казался детской игрушкой.

Без Огня ночь становилась смертью. Это знали все. От седобородого старейшины до новорожденного младенца, завернутого в шкуры. Огонь был не просто источником тепла. Он был защитой от ночных хищников, чьи желтые глаза светились во тьме, как злобные звезды. Он был центром общины, местом, где рассказывались истории, передавались знания, заключались союзы. Он был символом жизни, победой человека над хаосом дикой природы. И теперь эта победа была отнята.

Торн обернулся, глядя на лагерь, раскинувшийся у подножия скал. Тени людей металась между шатрами, похожими на испуганных призраков, потерявших дорогу в мир мертвых. Они не кричали — крик требовал сил, а силы уходили на то, чтобы согреться, сжавшись в плотные клубки под многослойными шкурами мамонтов, бизонов и пещерных медведей. Слышался лишь тихий, протяжный вой ветра, пробирающийся сквозь узкое ущелье, да редкие, сдавленные всхлипывания детей. Этот звук был хуже любого рыка саблезубого тигра. Детский плач означал страх, а страх в первобытном мире был заразен, как чума. Он проникал в кости, парализовал волю, заставлял руки дрожать, а глаза — видеть чудовищ там, где были лишь тени от качающихся ветвей древних папоротников.

Торн сделал шаг назад, его ноги, обутые в грубо сшитые меховые чулки, заскрипели по мокрому гравию. Он чувствовал запах озноба, исходящий от собственного тела. Это был кислый, металлический запах страха, смешанный с запахом пота и грязи. Он знал этот запах. Он видел его в глазах своих соплеменников, когда те смотрели на темнеющее небо, ожидая снега, который уже начал падать крупными, тяжелыми хлопьями, похожими на пепел сожженного мира. Снег ложился на плечи, на волосы, на ресницы, мгновенно таял от тепла тела, превращаясь в ледяную воду, которая текла по спине, вызывая судороги.

— Торн, — голос прозвучал тихо, но четко, разрезая свист ветра, как острый кремневый нож рассекает мягкую плоть.

Это был Старик Орум. Вождь клана, человек, чье лицо было исчерчено морщинами глубже, чем русла высохших рек в засушливый сезон. Его седые волосы, сплетенные в тугие косы с вплетенными костяными амулетами и птичьими перьями, сливались с сумраком, делая его почти невидимым. Орум опирался на посох из черного дерева, украшенный головами вырезанных птиц с открытыми клювами. Его глаза, мутные от катаракты и возраста, казалось, видели не настоящего Торна, а что-то иное, скрытое за пеленой времени, какую-то нить судьбы, которую другие не могли различить.

— Огонь ушел, — произнес старик. Это не было вопросом. Это не было констатацией факта. Это был приговор, вынесенный самим миром.

Торн кивнул, чувствуя, как горло сжимается спазмом. Голос застрял внутри, сухой и шершавый, как наждачный камень. Он хотел сказать, что они найдут способ, что они соберут сухие ветви, что они разожгут новый огонь трением, как учили деды, как показывали шаманы в редких ритуалах. Но ложь застряла на губах, горькая и невыносимая. Дерево было мокрым насквозь. Кремни отсырели. А главное — знание *как* именно добывать огонь из ничего, а не сохранять его, было утрачено поколениями назад. Они хранили Пламя, кормили его лучшими кусками мяса, баюкали его песнями, охраняли его сон, но не умели рождать его заново. Огонь был даром богов, священным гостем, и боги забрали свой дар обратно, оставив людей наедине с холодной, равнодушной вселенной.

— Кзаммы были здесь, — продолжил Орум, указывая посохом в сторону разрушенной ограды лагеря, сделанной из кольев и плетня. — Пока вода поднималась, пока мы спасали детей, запасы сушеного мяса и инструменты, они пришли. Как крысы. Как падальщики, почуявшие кровь. Они не забрали мясо. Они не увели женщин, хотя могли. Они плюнули в наш очаг. Они осквернили святыню.

Торн посмотрел в указанном направлении. Среди грязи, обломков деревянных конструкций и перевернутых корзин лежали странные, искаженные фигуры. Следы ног, слишком больших для обычного человека, но слишком маленьких для медведя, с длинными, острыми когтями, оставлявшими глубокие борозды в мягкой земле. И запах. Даже проливной дождь не мог полностью смыть сладковатый, тошнотворный запах гниения, старого жира и человеческой крови. Клан Красной Пасти. Людоеды. Они не просто враги; они были воплощением хаоса, существами, которые отвергали законы стаи, табу на каннибализм и питались плотью своих же собратьев. Их появление означало, что мир стал еще более враждебным, еще более непредсказуемым, еще более жестоким.

— Они смеялись, — прошептал Орум, и в его голосе дрожала такая ненависть, такой холодный гнев, что Торн почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий отношения к погоде. — Они знали, что делают. Они знали, что без Огня мы станем легкой добычей. Для них, для ночных хищников, для самого холода. Мы теперь ничем не отличаемся от зайцев или оленей.

В этот момент из темноты, словно материализовавшись из самой тьмы, выступила фигура. Высокая, широкоплечая, с развевающимися волосами цвета воронова крыла, сливающимися с ночью. Это был Горг.

Горг не принадлежал к числу тех, кто дрожал от холода, прижимаясь к стенам пещер. Он стоял прямо, расправив мощную грудь, покрытую шрамами от прошлых битв, и его взгляд, холодный, расчетливый и лишенный всякого сострадания, скользил по лицам собравшихся вокруг старейшины воинов. Рядом с ним стояли двое его ближайших приспешников — массивные мужчины с обезображенными лицами, державшие в руках тяжелые дубины, окованные острым камнем. Горг улыбнулся. Это была не улыбка радости или дружбы, а оскал хищника, почуявшего слабость стаи, возможность захватить власть.

— Старик говорит правду, — голос Горга был низким, грудным, вибрирующим в воздухе, как звук большого барабана. — Огонь мертв. Мы мертвы, если останемся здесь, сложа руки. Холод убьет нас быстрее, чем копья Кзаммов. Голод добьет тех, кого не замерзнет.

Торн шагнул вперед, преграждая путь Горгу к старику. Его движения были плавными, но наполненными скрытой угрозой, как движение змеи перед броском. — Что ты предлагаешь, Горг? Бежать? Бросить старых, больных и детей на съедение волкам и гиенам? Стать кочевниками, лишенными дома и памяти?

Горг повернул голову медленно, словно хищная птица, оценивающая добычу. Его глаза встретились с глазами Торна. В этом взгляде не было уважения, только холодная оценка силы, потенциальной угрозы. — Я предлагаю выжить, Торн. Ты сильный воин. Ты мудрый стратег. Но ты слишком много думаешь о других, о чувствах, о традициях. Чтобы спасти клан, нужно думать о силе. О чистой, грубой силе. Огонь нужно найти. Или отнять.

— Отнять? — переспросил Торн, чувствуя, как гнев начинает вытеснять страх, заполняя пустоту внутри горячей яростью. — У кого? У богов, которые отвернулись от нас? У духов предков, которых мы не смогли защитить?

— У тех, у кого он есть, — отрезал Горг, его голос стал жестким, как камень. — Кзаммы ушли, но они не могли уйти далеко с нашими женщинами, которых они схватили во время суматохи наводнения. И у них есть Огонь. Я видел отблески вдали, прежде чем дождь усилился и закрыл небо тучами. Они разбили лагерь в пещерах Серых Скал. Там сухо. Там тепло. Там есть жизнь.

Шепот пробежал по толпе собравшихся людей, как ветер по сухой траве. Серые Скалы были землей смерти, проклятым местом. Там жили духи предков, не нашедшие покоя, там водились пещерные львы — величайшие хищники равнин, и туда не ступала нога обычного охотника уже много лун. Но идея вернуть Огонь силой, отнять его у врага, зажгла в глазах некоторых воинов искру надежды. Надежды, опасной, обманчивой, но невероятно притягательной.

Старик Орум поднял руку, призывая к тишине. Жест был слабым, дрожащим, но авторитет вождя оставался непрекаемым, как закон гравитации. — Горг прав в одном, — сказал старец, его голос звучал устало, но твердо. — Огонь нужно вернуть. Тот, кто принесет Пламя обратно в наш очаг, станет новым Хранителем. Он получит право голоса в Совете Старейшин наравне со мной. И... — Орум сделал паузу, его мутный взгляд упал на девушку, стоявшую чуть позади Торна, полускрытую тенью скалы. — Он возьмет в жены Эльву, дочь мою, чтобы кровь его смешалась с кровью вождей, и чтобы дети его были сильны, как огонь, и мудры, как камень.

Эльва сделала шаг вперед. Даже в полумраке, при свете редких молний, она казалась светлой точкой, островком спокойствия в море хаоса. Ее волосы, цвета спелой пшеницы, были собраны в сложную косу, украшенную ракушками, привезенными из далеких морей. Она не дрожала, хотя ее тонкие руки были скрещены на груди, защищая себя от пронизывающего холода. Ее глаза, большие, темные и глубокие, смотрели на Торна. В них не было мольбы, только тихое, печальное ожидание. Она знала цену этого предложения. Стать женой вождя означало стать матерью будущего племени, хранительницей очага. Но стать женой того, кто не сможет защитить племя от холода и врагов, означало медленную, мучительную смерть.

Торн почувствовал, как тяжесть ответственности легла на его плечи, придавливая к земле, лишая воздуха. Он посмотрел на Горга. Тот усмехнулся, понимая, что бросил вызов, от которого нельзя отказаться, не потеряв лица. Если Торн откажется, он будет признан слабым, трусом. Если согласится и потерпит неудачу — он потеряет жизнь, а клан останется без лидера. Если победит Горг... Торн знал, что Горг станет жестоким правителем. Он будет держать Огонь как оружие, подчиняя слабых, эксплуатируя сильных, а не объединяя их ради общего выживания.

— Я пойду, — сказал Торн. Его голос прозвучал твердо, эхом отразившись от влажных стен ущелья, заглушая шум дождя.

Горг фыркнул, выражая презрение. — Один? Ты безумен, Торн. Даже самый сильный зуб ломается, если ударить им о твердый камень. Мне нужны люди. Мои люди пойдут со мной. Мы найдем Огонь быстрее, потому что мы не будем тратить время на сантименты.

— Ты пойдешь своим путем, — перебил его Орум, и в его голосе появилась сталь. — А Торн выберет своих спутников. Пусть это будет испытание не только силы мышц, но и мудрости выбора сердца. Кто пойдет с Торном? Кто разделит с ним опасность и славу?

Тишина повисла снова, но теперь она была иной. Напряженной, электрической, насыщенной ожиданием. Люди переглядывались, отводя глаза. Никто не хотел идти в Серые Скалы. Это было самоубийство. Но отказаться от вождя, пусть и будущего, было позором, который клеймил человека на всю жизнь.

Из задней части толпы, оттуда, где стояли молодые охотники, выделилась фигура. Молодая, гибкая, с лицом, полным энергии, нетерпения и той особой дерзости, которая свойственна юности. Это был Кай, младший брат Торна. Ему едва исполнилось восемнадцать зим, но в его глазах горел тот же огонь, который они потеряли, только этот огонь был диким, необузданным. Он не боялся. Или делал вид, что не боится, скрывая страх за бравадой.

— Я пойду с Торном, — заявил Кай, выходя на свет, его голос звенел, как молодой лед. — Моя рука тверда, а ноги быстры. Я знаю тропы зверей лучше многих. Я слышу шаги там, где вы видите лишь тени.

Торн покачал головой, чувствуя смесь гордости и тревоги. — Кай, это не охота на зайца или оленя. Это путь в ад. Там нет места ошибкам. Одна неверная шаг — и ты станешь ужином для льва.

— Именно поэтому я должен идти, — возразил юноша, его глаза блестели возбуждением. — Ты силен, брат, но ты видишь только прямую линию, путь воина. Я вижу изгибы. Я чувствую ветер. Без меня ты будешь слеп в темноте, глух к предупреждениям земли.

Прежде чем Торн успел ответить, из тени отделилась еще одна фигура. Массивная, приземистая, с широкой спиной, короткими, мощными ногами и руками, похожими на ветви дуба. Бром. Сын Клана Тихой Реки, принятый в их клан после того, как его племя было уничтожено неизвестной болезнью, оставившей его единственным выжившим. Он редко говорил. Его лицо было неподвижным, как маска из гранита, лишённая эмоций. Но когда он смотрел на тебя, казалось, что он видит твою душу насквозь, читает твои мысли.

Бром не сказал ни слова. Он просто подошел к Торну и встал рядом, положив свою огромную, мозолистую ладонь на плечо воина. Этот жест весил больше, чем любые клятвы, произнесенные тысячами слов. Бром был силой земли. Непоколебимой, надежной, вечной. Он был щитом, который не спрашивает, зачем его поднимают.

Торн посмотрел на своих спутников. Импульсивный, интуитивный, связанный с природой Кай. Молчаливый, несокрушимый, верный Бром. И он сам — стратег, воин, носитель бремени ответственности. Три части одного целого. Разум, инстинкт и сила.

— Хорошо, — сказал Торн, обращаясь к Оруму и всей толпе. — Мы вернемся с Огнем. Или не вернемся вовсе. Но мы не позволим Клану Красной Пасти торжествовать.

Горг захохотал, звук был грубым, неприятным, похожим на скрежет камней. — Посмотрим, кто первым замерзнет в ночи, братцы. Мои следы будут горячими от скорости, а ваши — ледяными от сомнений.

Он развернулся и увел своих людей в темноту, оставив после себя запах пота, агрессии и уверенности в собственной правоте.

Торн остался стоять под снегопадом, который становился все гуще. Эльва подошла ближе, преодолев расстояние между ними. Она протянула ему маленький мешочек из мягкой кожи, выделанной с особым тщанием. — Возьми, — прошептала она, ее голос был едва слышен

сквозь шум ветра. — Здесь сушеные ягоды, собранные летом, и кусок вяленого мяса лося. И... — она достала небольшой оберег из клыка пещерного льва, отполированный временем и прикосновениями многих рук. — Это принадлежало моему деду, великому охотнику. Говорят, он защищает от зубов тьмы и холода.

Торн взял оберег. Клык был теплым от ее рук, живым. Он сжал его в кулаке, чувствуя твердость кости. — Я вернусь, Эльва. Клянусь кровью моих предков и именем Огня, который мы вернем.

— Вернись живым, — ответила она, и в ее голосе прозвучала такая боль, такая уязвимость, что Торну захотелось остаться, забыть обо всем, просто обнять ее и согреть своим телом, защитить от этого жестокого мира. Но долг был сильнее желания. Долг был выше любви.

Он кивнул, коротко, резко, повернулся к Каю и Брону. — Соберите оружие. Лучшие копья с кремневыми наконечниками. Крепкие шкуры, непромокаемые плащи. И возьмите все сухие труты, какие найдете в запасах. Бересту, сухой мох, гриб-трутовик. Мы выступаем через час, пока луна не скрылась полностью за тучами и тьма не стала абсолютной.

Кай уже бежал к жилищам, его силуэт растворялся в снежной мгле, полный энергии и решимости. Бром молча кивнул, его глаза встретились с глазами Торна на мгновение, подтверждая немую клятву, и последовал за ним, его шаги были бесшумными, несмотря на огромный вес и размер.

Торн остался один на краю обрыва. Он посмотрел вниз, на черную, бурлящую воду реки. Где-то там, в глубине, лежал мертвый Огонь, поглощенный стихией. А где-то впереди, в Серых Скалах, горел чужой, украденный огонь, согревающий врагов. Между ними лежала земля, полная опасностей, древних тайн, смертей и испытаний. Земля, которую нужно было пройти, чтобы вернуть жизнь своему народу.

Он глубоко вдохнул холодный воздух. Легкие наполнились ледяной свежестью, обжигающей внутренности. Страх все еще был там, внутри, свернувшись клубком в животе, холодным и липким. Но вместе с ним просыпалось нечто другое. Решимость. Ярость. Жажда жизни. Жажда победы.

Торн сжал клык льва в руке, чувствуя его острые края. — Мы идем, — прошептал он ветру, обращаясь к духам предков, к земле, к самому себе. — И мы не остановимся, пока Пламя не вернется домой.

Глава 2: Тропа Клыков

Рассвет не принес облегчения. Небо осталось серым, низким, давящим, словно потолок гигантской пещеры, под которой заперт весь мир. Снег прекратился, но воздух стал еще холоднее — тем особым, пронизывающим холодом, который не обжигает кожу, а проникает внутрь, до самых костей, до самой сути человека. Торн шел первым, его ноги, обутое в мягкие мокасины из оленьей шкуры, ступали по замерзшей земле почти бесшумно. За ним следовал Бром, чья массивная фигура двигалась с удивительной для его размеров грацией, а замыкал тройку Кай, постоянно оглядывающийся по сторонам, его молодые глаза жадно впитывали каждый звук, каждое движение теней.

Они покинули лагерь Клана Очаг-Камень еще до того, как первые лучи солнца попытались пробиться сквозь пелену облаков. Прощание было коротким, почти безмолвным. Люди клана смотрели на них с надеждой, смешанной с отчаянием, и Торн чувствовал на своей спине эти взгляды — тяжелые, как камни. Он не обернулся. Если бы он обернулся, он увидел бы лицо Эльвы, и это могло бы сломить его решимость. Он должен был смотреть только вперед, туда, где в тумане скрывалась тропа, ведущая к Серым Скалам, к Клану Красной Пасти, к огню.

Первые часы пути прошли в молчании. Каждый был погружен в свои мысли, в свою борьбу с холодом и страхом. Тропа, по которой они шли, была едва заметной — узкая полоска утоптанной земли среди высоких папоротников и кустов можжевельника, чьи ягоды чернели, как глаза мертвых зверей. Земля под ногами была мягкой, губчатой, покрытой слоем мха толщиной в ладонь. Этот мох поглощал звуки шагов, делая их движение почти призрачным. Но он же таил опасность: под мягким зеленым ковром скрывались ямы, корни, острые камни, готовые вывернуть ногу или провалиться под весом человека.

Торн шел, опираясь на длинное копьё, его наконечник из черного кремня поблескивал в тусклом свете. Он читал землю, как другие читают лица. Примятая трава, сломанная ветка, царапина на коре дерева — всё это рассказывало ему истории о тех, кто прошел здесь до них. Он видел следы оленя, прошедшего час назад. Следы зайца, затаившегося в кустах. И следы... нечто большее. Тяжелые, глубокие отпечатки ног, идущих быстро, уверенно, без оглядки. Следы Горга.

— Он идет быстро, — пробормотал Торн, больше для себя, чем для спутников.

Кай подошел ближе, его глаза сузились, изучая следы. — Он не осторожничает. Он уверен, что мы не осмелимся пойти за ним. Или что мы замерзнем, не дойдя до Серых Скал.

Бром присел на корточки, его массивные пальцы коснулись земли. Он поднял горсть мха, понюхал его, затем посмотрел на Торна. — Он шел здесь вчера, на закате. Три человека, может, четыре. Они несли тяжести — запасы, оружие. Они не останавливались отдыхать.

Торн кивнул. Горг спешил. Он хотел добраться до Клана Красной Пасти первым, отнять огонь, вернуться с победой. Но спешка делала его уязвимым. Спешка заставляла совершать ошибки.

— Мы пойдем быстрее, — сказал Торн. — Но не настолько быстро, чтобы потерять осторожность. Мы не должны стать добычей, пока охотимся на охотников.

Они продолжили путь, и вскоре ландшафт начал меняться. Лес редел, деревья становились ниже, чахлыми, их ветви скрюченными, словно от боли. Земля под ногами становилась все более влажной, воздух — тяжелым, пропитанным запахом гнили и серы. Они приближались к болотам.

Болота Серых Скал были местом, которого избегали даже самые отчаянные охотники. Это была земля, где твердая почва превращалась в предательскую жижу, где под слоем мха скрывались бездонные топи, готовые поглотить человека без следа. Воздух здесь был густым, влажным, пахнущим разложением. Из тумана выступали силуэты мертвых деревьев, их белые

стволы напоминали кости гигантских существ. Поверхность болота была покрыта ковром из мха и осоки, обманчиво зеленым и манящим, но под этим ковром таилась смерть.

Торн остановился на краю болота, его глаза сканировали пространство. Он искал признаки безопасного пути — выступающие камни, корни деревьев, участки более твердой земли. — Здесь, — сказал он наконец, указывая на линию камней, уходящую вглубь болота. — Камни идут под водой. Если мы будем идти по ним, мы пройдем.

Кай нахмурился. — Камни скользкие. А если мы упадем?

— Тогда ты утонешь, — просто ответил Бром, его голос был лишен эмоций, как констатация факта. — Болото не прощает ошибок.

Они начали переход. Камни были холодными, покрытыми слизью, и каждый шаг требовал концентрации, баланса, осторожности. Вода вокруг была черной, неподвижной, как масло, и от нее поднимался легкий пар, смешивающийся с туманом. Торн шел первым, проверяя каждый камень ногой, прежде чем перенести вес тела. За ним Бром, чья тяжелая фигура заставляла камни слегка покачиваться, но не проваливаться. Кай шел последним, его movements были нервными, дергаными, он постоянно оглядывался, ожидая нападения из тумана.

И нападение не заставило себя ждать.

Оно пришло не с рыком или воем, а с тихим плеском воды. Что-то большое двигалось в болоте, параллельно им, скрытое туманом. Торн замер, его рука сжалась на копье. Он прислушался. Плеск повторился, ближе. Затем еще раз. И еще. Несколько существ. Они окружали их.

— Кабаны, — прошептал Торн. — Болотные кабаны.

Болотные кабаны были не просто дикими свиньями. Это были монстры ледникового периода, размером с медведя, с клыками, способными переломить бедренную кость человека одним ударом. Их шкура была покрыта жесткой щетиной, смешанной с грязью и слизью, создавая естественную броню. Они были свирепыми, территориальными и невероятно опасными, особенно в своей стихии — на болотах.

Туман начал рассеиваться, и Торн увидел их. Три огромных кабана, их маленькие, злые глаза блестели в полумраке, пена стекала с клыков. Они стояли на камнях, блокируя путь вперед. Еще один кабан появился сзади, отрезая путь к отступлению. Они были в ловушке.

— Не двигайтесь, — приказал Торн, его голос был тихим, но твердым. — Не смотрите им в глаза. Медленно поднимите копыта.

Кай выполнил приказ, но его руки дрожали. Его дыхание участилось, и это было ошибкой. Кабаны реагировали на движение, на страх. Один из них, самый большой, с шрамом через всю морду, фыркнул и ударил копытом по камню. Это был вызов.

Бром медленно, почти незаметно, переместил вес тела, готовясь к броску. Его копье было направлено вперед, наконечник блестел в тусклом свете. Торн понимал, что они не могут просто стоять вечно. Кабаны устанут ждать и атакуют. Нужно было действовать.

— Когда я дам знак, Бром ударит того, что впереди. Кай, ты прикроешь его с фланга. Я возьму того, что сзади. Не дайте им окружить нас.

Кай кивнул, его лицо побледнело, но глаза горели решимостью. Он хотел доказать, что он не просто мальчик, что он достоин идти рядом с Торном.

Торн сделал глубокий вдох и издал резкий, гортанный крик — боевой клич Клана Очаг-Камень. В тот же миг Бром рванулся вперед, его копье опустилось, как молния, вонзаясь в шею переднего кабана. Зверь взвизгнул, звук был пронзительным, нечеловеческим, и бросился вперед, игнорируя боль. Кай ударил сбоку, его копье попало в бок животного, но не нанесло смертельной раны. Кабан развернулся, его клыки щелкнули в дюйме от лица Кая.

В этот момент Торн увидел возможность. Задний кабан, отвлекшийся на крик, повернулся, и Торн ударил. Его копье вошло под ребра, пронзая сердце. Зверь рухнул, его кровь окрасила черную воду болота в красный цвет.

Но Бром был в беде. Кабан, которого он ранил, был невероятно силен. Он бросился на Брома, его клыки искали плоть. Бром отступал, его копье сломалось под весом животного. Он упал на камни, его рука оказалась под тушей кабана.

— Бром! — крикнул Кай.

И совершил ошибку. Вместо того чтобы атаковать кабана с фланга, он бросился прямо на него, пытаясь оттащить зверя от Брома. Это было безрассудно, эмоционально, и это едва не стоило ему жизни. Кабан, почувствовав новое движение, развернулся и бросился на Кая. Его клыки ударили юношу в бедро, разрывая шкуры, царапая плоть. Кай упал, крича от боли.

Торн не раздумывал. Он выхватил нож из-за пояса — короткий, острый клинок из обсидиана — и бросился на кабана. Он прыгнул на спину животного, его ноги обхватили шею зверя, и он вонзил нож в глаз, пронзая мозг. Кабан рухнул, как подкошенный, его тело содрогалось в предсмертных судорогах.

Третий кабан, видя смерть своих сородичей, колебался мгновение, а затем развернулся и бросился в туман, его плеск быстро удалялся.

Тишина вернулась на болото, но теперь она была наполнена тяжелым дыханием, стонами боли и запахом крови. Торн соскочил с мертвого кабана и подошел к Каю. Юноша лежал на камнях, его лицо было белым, как снег, кровь текла из раны на бедре, смешиваясь с водой болота.

— Глупец, — сказал Торн, его голос был жестким, но в глазах читалась тревога. — Ты чуть не убил себя. Ты не должен был бросаться на него напрямую.

Кай стиснул зубы, пытаясь сдержать стон. — Я... я должен был помочь Брому. Он был в опасности.

— Ты создал больше опасности, — отрезал Торн, уже осматривая рану. — Кабан не был мертв. Ты дал ему новую цель. Если бы я не успел...

Он не закончил фразу. Вместо этого он достал из сумки пучок сухих трав — тысячелистник и подорожник, которые они собрали накануне. Он разжевал их, превращая в кашицу, и приложил к ране. Кай вздрогнул от боли, но травы быстро начали действовать, останавливая кровь, обеззараживая рану.

Бром сел, его лицо было искажено гримасой боли. Его рука была вывихнута, но не сломана. Торн подошел к нему, его руки двигались уверенно, профессионально. Он взял руку Брома, резко дернул, и раздался хруст. Бром застонал, но кивнул — рука вправлена.

— Ты хорошо сражался, — сказал Торн Брому. — Ты спас нас.

Бром покачал головой. — Кай отвлек кабана. Он спас меня.

Торн посмотрел на Кая, который лежал, бледный, но живой. В глазах юноши был страх, но также и упрямство. Он не сдался. Он бился, даже когда понимал, что совершил ошибку.

— Ты храбр, Кай, — сказал Торн, его голос стал мягче. — Но храбрость без ума — это смерть. Ты должен думать, прежде чем действовать. Ты должен чувствовать ритм боя, а не просто бросаться вперед. Огонь, который мы ищем, он не просто сила. Он — мудрость. Он требует терпения, контроля. Если ты не научишься этому, ты не вернешься домой.

Кай молчал, переваривая слова брата. Он понимал, что Торн прав. Его импульсивность едва не убила их всех. Он кивнул, медленно, серьезно. — Я научусь, — прошептал он. — Я не подведу тебя снова.

Они отдохнули, пока Кай и Бром восстанавливались. Торн разделал одного из кабанов, взяв достаточно мяса, чтобы прокормить их несколько дней. Остальное мясо они оставили — оно было слишком тяжелым, а болотные кабаны были падалью, их плоть пропитана запахом гнили. Они развели небольшой костер, используя сухой трут и кремни, и приготовили мясо на углях. Огонь был маленьким, хрупким, но он давал тепло, свет, надежду.

Сидя у огня, они говорили мало. Но в этом молчании было новое понимание. Бром и Кай, которые до этого были просто спутниками, теперь стали братьями по крови, прошедшими

через испытание вместе. Бром протянул Каю лучший кусок мяса, жест, который означал принятие, уважение. Кай взял мясо, их глаза встретились, и в этом взгляде была клятва верности, которая не нуждалась в словах.

Когда они продолжили путь, болота остались позади. Земля снова стала твердой, покрытой серыми камнями и низкорослой травой. Они поднимались в горы, к Серым Скалам. Воздух становился тоньше, холоднее, но чище. Здесь не было запаха гнили, только запах камня, ветра и далекого снега.

К вечеру они достигли узкого ущелья, где ветер выл, как раненый зверь. Торн остановился, его глаза сузились. На земле, среди камней, он увидел следы. Много следов. И что-то еще — обгоревшие ветки, остатки костра, следы крови.

— Горг был здесь, — сказал Торн. — Но не один. Он встретил кого-то.

Кай подошел ближе, изучая следы. — Это не следы Клана Красной Пасти. Это... другие. Кто-то из местных племен.

Бром присел, его пальцы коснулись крови. — Свежая. Сегодня утром. Они сражались. Горг напал на них.

Торн выпрямился, его лицо стало жестким, как камень. — Горг не просто спешит. Он убирает свидетелей. Он не хочет, чтобы кто-то знал, что он идет к Клану Красной Пасти. Он хочет прийти один, заявить, что это его идея, его победа.

— Он опасен, — сказал Кай, и в его голосе не было больше бравады, только серьезность. — Он убьет своих, если это поможет ему.

— Он уже убил, — мрачно ответил Торн. — Вопрос в том, сколько еще он убьет, прежде чем мы его остановим.

Они продолжили путь, но теперь в их движении была новая решимость. Они шли не просто за огнем. Они шли, чтобы остановить Горга, чтобы предотвратить его тиранию, чтобы защитить свой клан от человека, который видел в силе единственную добродетель.

Впереди, за поворотом ущелья, виднелись Серые Скалы — огромные, мрачные, покрытые снегом. И где-то там, в их недрах, горел огонь. Огонь, который должен был стать их спасением или их гибелью.

Торн посмотрел на небо. Солнце садилось, окрашивая облака в кроваво-красный цвет. Ночь приближалась, и с ней приходили новые опасности. Но они были готовы. Они были трое — разум, инстинкт и сила. И они не остановятся, пока не достигнут цели.

Ветер принес далекий вой — не волка, не гиены. Что-то большее. Что-то, от чего кровь застыла в жилах. Пещерный лев. Они были близко к его территории.

Торн сжал копьё крепче. — Будьте готовы, — прошептал он. — Настоящее испытание только начинается.

Глава 3: В когтях Серого Властелина

Вой, который пронзил тишину ущелья, не был похож ни на рык медведя, ни на вой волчьей стаи. Это был звук, идущий из самой глубины земли, низкий, вибрирующий, заставляющий грудную клетку резонировать в такт ему. Он нес в себе древнюю, первобытную власть, напоминание о том времени, когда человек был лишь пищей в пищевой цепи, а не её вершиной. Торн замер, его пальцы побелели от напряжения, сжимая древко копья. Кай инстинктивно прижался к скале, его глаза расширились, зрачки сузились до тонких щелей, пытаясь проникнуть в сгущающиеся сумерки. Бром же просто выставил свое сломанное, но все еще грозное копьё вперед, его тело стало неподвижным, как гранитный монолит.

— Пещерный лев, — прошептал Торн. Его голос звучал хрипло, словно горло пересохло от одного только упоминания этого имени. — Мы вошли в его логово.

Серые Скалы возвышались над ними, нависая черными зубцами against багрового неба. Ущелье сужалось, превращаясь в каменный коридор, где ветер гулел, как в трубе гигантского органа. Воздух здесь был другим — тяжелым, пахнущим мускусом, старой кровью и чем-то сладковатым, напоминающим запах разлагающихся цветов. Это был запах хищника. Запах Аштара.

Они двигались осторожно, каждый шаг выверялся, каждый камень проверялся на устойчивость. Тени становились длиннее, искаженнее, принимая формы чудовищ. Кай шел посередине, между Торном и Бромом. Его рана на бедре ныла, каждая вибрация земли отдавалась болью, но он стиснул зубы, не издавая ни звука. Он чувствовал ответственность за свою недавнюю ошибку и теперь старался быть тенью, незаметным, но внимательным.

Вскоре они вышли на небольшую площадку, окруженную отвесными скалами. В центре площадки зиял вход в пещеру — огромная, черная пасть, из которой веяло холодом. Но не это привлекло их внимание. Перед входом, на плоском камне, лежало нечто огромное.

Поначалу Торн принял это за валун, покрытый мхом. Но затем «валун» дрогнул. Из темноты пещеры донеслось тяжелое, хриплое дыхание, прерываемое болезненным стоном. И тогда они увидели его.

Пещерный лев.

Он был больше любого льва, которого им приходилось видеть раньше, больше даже тех гигантских зверей, чьи изображения украшали стены священных пещер их предков. Его грива, светлая, почти белая, была сваляна грязью и запекшейся кровью. Мощные лапы, способные одним ударом раскроить череп бизона, были поджаты под телом. Но главное, что бросалось в глаза, — это его задняя правая лапа. Она была неестественно вывернута, а из глубокой раны торчал обломок кости — возможно, ребро какой-то крупной добычи или оружие другого хищника. Рана гноилась, вокруг нее кожа была воспалена, черна от некроза.

Рядом с львом, прячась в тени скал, сидела гигантская гиена. Она не атаковала. Она ждала. Ее желтые глаза следили за каждым движением льва, она знала, что время работает на нее. Лев был слаб, он умирал от заражения крови, и гиена терпеливо ждала момента, когда сможет добить короля равнин.

Торн поднял руку, останавливая спутников. — Не двигайтесь, — приказал он шепотом. — Если мы нападём сейчас, лев может вскочить в последнем порыве ярости. А гиена... она ждет нашей ошибки.

Кай смотрел на льва, и в его глазах не было страха. Было нечто иное. Сострадание? Любопытство? Он видел боль зверя. Он видел, как дрожали мышцы льва от лихорадки, как тяжело вздымалась его грудь. Кай почувствовал странную связь, пульсацию, идущую от зверя к нему самому. Это было не разумное понимание, а интуитивное, глубинное чувство боли другого живого существа.

— Он умирает, — прошептал Кай. — Гиена знает это. Она не боится его сейчас.

— Тем лучше для нас, — буркнул Бром. — Пройдем мимо. Пока они заняты друг другом, мы можем проскользнуть в пещеру. Там может быть другой выход.

— Нет, — сказал Кай резко. Торн и Бром удивленно посмотрели на него. — Если мы оставим его, гиена убьет его. А потом она пойдет за нами. Один раненый лев — это угроза. Но лев, который owes нам жизнь...

Торн нахмурился. — Ты предлагаешь помочь ему? Кай, это безумие. Это пещерный лев. Он съест нас, как только почувствует себя лучше.

— Нет, — настаивал Кай, его голос дрожал, но был тверд. — Я чувствую это. Он не такой, как другие. Посмотри на его глаза. В них нет злобы. Только боль. И усталость. Дай мне шанс, брат. Если я ошибусь, ты успеешь ударить.

Торн колебался. Разум кричал об опасности. Инстинкт требовал бежать. Но он посмотрел на лицо Кая, увидел в нем ту самую искру, о которой говорил Старик Орум — интуицию, связь с природой. И он вспомнил слова Эльвы: «*Я вижу изгибы*». Может быть, этот изгиб пути был именно таким?

— Хорошо, — сказал Торн наконец. — Но будь осторожен. Бром, прикрой нас. Если лев дернется — убей гиену. Если лев атакует Кая... делай что должен.

Бром кивнул, его лицо осталось непроницаемым, но копье он держал наготове, направленное на гиену. Гиена заметила движение людей, она зарычала, низко и угрожающе, но не двинулась с места. Она понимала, что люди — новая переменная в уравнении.

Кай медленно, шаг за шагом, начал приближаться к льву. Каждое его движение было плавным, лишенным агрессии. Он опустил на одно колено, затем на оба, показывая свою уязвимость. Он не смотрел льву прямо в глаза, чтобы не восприниматься как вызов. Он смотрел на рану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.